

Андрей
КОБЯКОВ

ПОДЪЁМ!

Реиндустриализация и суверенитет

МИФЫ О ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМЕ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Материальной основой жизни любого общества является его хозяйственная деятельность. Однако в России именно в вопросах хозяйственного устройства и экономической политики общественное сознание уже три десятилетия находится в плену заблуждений, навязанных извне представлений и злонамеренных грубых искажений реальности. Для того, чтобы выйти из экономического полубытия и перейти к уверенному развитию, стране необходимо ментально преодолеть довлеющие неолиберальные догмы и отринуть распространённые мифы.

Существенная их часть связана с якобы нормативным характером глобализации и постиндустриального этапа человеческой истории.

Глобализацию и переход к постиндустриальным экономическим практикам их сторонники преподносят как объективно неизбежные этапы мирового развития. В чём-то эта позиция похожа на отношение к техническому прогрессу, который якобы развивается сам собой.

Глобализация — вовсе не естественный процесс, которым никто не управляет, а реализация вполне определённой ценностно-идеологической модели. Ключевыми в ней являются два пункта: 1) в этой системе не предусматривается сохранение реального суверенитета национальных государств; 2) отказ от суверенитета осуществляется в пользу наднациональных структур, регуляторов и правил, которые преподносятся как самоочевидные и самые лучшие для развития всего мира, на самом деле являясь продуктом реализации замыслов и интересов определённых транснациональных элит, руководствующихся ценностями неолиберализма.

Основная идея постиндустриализма о "второстепенной" роли промышленного производства и зависимости благосостояния государства в большей степени от непроизводственных секторов реализуема только в условиях глобализации, ведь сокращение производства в развитых странах отнюдь не означало сокращение потребления. Просто промышленность выводилась в другие регионы мира, что типично для глобализированной экономики. Таким образом, концепты глобализации и постиндустриализма тесно переплетены.

Постиндустриальная экономика возможна только в специфических условиях глобализации и жёсткого мирового разделения труда, предполагающего не эквивалентный обмен, а элитарный постиндустриальный мир — "золотой миллиард" — сегодня существующий только за счёт того, что на другом конце Земли малооплачиваемое население производит для него материальные ценности.

Фактически постиндустриализм пошёл по традиционному пути колониальных империй, оставив свою "грязную" работу странам третьего мира. Но даже страны, которые успешно "деиндустриализировались" в пользу третьего сектора, в долгосрочной перспективе больше потеряют от утраты собственной промышленности. Идея, согласно которой население развитых стран будет только оказывать друг другу разнообразные услуги, создаёт общество, где лишь узкая прослойка хорошо образованных специалистов занята "производством знаний". Остальных ждёт участь быть работниками сферы услуг гораздо более низкого уровня: продавцы, курьеры, обслуживающий персонал... Таким образом общества стран, теряющих промышленное производство, маргинализируются.

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ КАК ПРИОРИТЕТ

России нужна ориентированная на производство, а не спекулятивно-финансовая или преимущественно сервисная модель хозяйства.

Почему именно промышленное развитие является одной из главных задач для страны? Сегодня страны и блоки, в которые они входят, ведут борьбу за то, чтобы остаться в числе благополучных и не быть вытесненными на периферию цивилизации. Там, где значительная часть населения окажется "ненужной", будут происходить конфликты, бунты, войны, маргинализация и, в конечном счёте, сокращение численности людей.

Ведь что такое благополучие в сегодняшнем мире?

Подлинное благополучие предполагает занятость и возможность для каждого своим трудом обеспечить полноценную жизнь себе и своей семье. Именно это становится в мире главным дефицитом: население Земли можно прокормить, но вывести людей на уровень выше простого физического выживания, сделать их востребованными, дать им возможность проявить свои способности и заниматься осмысленным трудом — намного сложнее. И это невозможно там, где не развивается своя промышленность. Дальнейшая ориентация на сырьевой сектор будет приводить к большей деградации нашей экономики, к падению уровня жизни населения и депопуляции.

Цель наших конкурентов — загнать Россию в "медвежий угол", в компанию отсталых, нежизнеспособных государств. Этому сценарию можно противопоставить только собственное развитие.

Нельзя не отметить и влияние на экономику внешнеполитических факторов. Мир свободной торговли без барьеров — это иллюзия. Мы видим, что против России уже используется механизм санкций, которые будут применяться и в дальнейшем, поскольку позволяют одновременно оказывать на страну внешнеполитическое давление и при этом уничтожать её как экономического конкурента. Любому зарубежному производителю и поставщику товаров и услуг в Россию завтра могут просто законодательно запретить продолжать работу с нашей страной. Условия, когда нет отечественных аналогов зарубежным продуктам и услугам, означают не просто экономические убытки, а прямую угрозу безопасности страны. Именно те сферы, где мы не можем что-то производить самостоятельно, — потенциальные точки ударов по стране, точки нашей уязвимости, от которых нужно избавляться.

Поэтому новая индустриализация, повышение нашей конкурентоспособности и технологическое развитие — единственная возможность выжить и обеспечить достойную жизнь всем россиянам.

КВАЗИАВТАРКИЯ ВМЕСТО ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКИ

Противники поддержки российского промышленного развития часто говорят, что нет смысла производить всё на своей территории, когда можно купить за рубежом аналогичные продукты, зачастую более высокого качества или же вообще не производимые сейчас в России. А значит, не нужна и сверхразвитая промышленность. Но высокий уровень развития промышленности и её диверсифицированность при ориентации на собственный рынок — естественная характерная черта крупных стран, к числу которых относится и Россия. У нас самая большая в мире территория, и мы одна из самых многочисленных по населению стран мира.

Уже несколько десятилетий стратегическое мышление в нашей стране в незначительной

степени представлением об исключительно благотворном характере, эффективности и безальтернативности принципа свободной торговли и вытекающей из него модели открытой экономики для России. Это глубочайшее заблуждение.

Свободная торговля и справедливая торговля — далеко не тождественны. В действительности они очень часто противоположны друг другу. Промышленно развитые страны, которые все без исключения стали развитыми именно благодаря протекционизму, навязывают принцип "свободной торговли" менее развитым, используя его как отмычку или даже "фомку" для взлома их внутренних рынков. Такая "свободная торговля" приводит лишь к закреплению и усугублению неравенства стран в существующей глобальной системе разделения труда.

Что касается степени открытости экономики, то она находится в обратной зависимости от размеров территории и численности населения страны: чем страна больше, тем менее открыта её экономика. В свою очередь, реальный суверенитет — самостоятельность, безопасность и устойчивость страны — находится в обратной зависимости от степени открытости её экономики.

Модель открытой экономики, то есть экономики с незамкнутым воспроизводственным контуром, глубоко интегрированной в мировое разделение труда и зависящей от внешней торговли, — это удел малых стран или стран с крайне низким уровнем развития. Все крупные экономики с высоким или средним уровнем развития тяготеют к квазиавтаркии, как можно более полной замкнутости внутри страны воспроизводственных цепочек, самообеспечения и самодостаточности. Что касается развитых малых стран Европы, то хотя они вынуждены практиковать узкую специализацию в силу ограниченности ресурсов, в том числе трудовых, а также недостаточной ёмкости внутреннего рынка, они при этом работают в основном на единый европейский рынок, пользуясь его защищённостью. Сам же единый рынок Европейского союза в своей совокупности тяготеет всё к той же квазиавтаркии.

Исходя из размеров нашей страны, экспортная и импортная квоты в ВВП не должны были бы превышать 10–12% — такова оптимальная мера открытости экономики для России. В действительности нынешняя степень открытости российской экономики более чем вдвое превышает оптимальную.

Экономика России должна быть квазиавтаркична, то есть должна работать преимущественно на собственный рынок, а сам этот рынок должен в достаточной степени насыщаться товарами отечественного производства.

Стремление к самообеспеченности — не фетиш. Экономическая система, где существует излишняя специализация и нет разнообразия собственного производства, в долгосрочной перспективе уязвима. Особенно в ситуации, когда внезапно по каким-то причинам перестают работать правила свободной торговли. Теоретически можно купить всё у соседей. Но при условии, что они продадут. Например, ситуация войны или экономических санкций создаёт совершенно иную реальность, когда отсутствие собственных производств в критически важных отраслях может поставить под вопрос само выживание государства.

Наша страна изобилует разнообразными природными ресурсами. Количество населения влияет на возможность организовать все отрасли современной экономики — в России достаточно населения для того, чтобы умножить все производства своей рабочей силой. Единственное, чего не вполне хватает, — ёмкости рынка. Ряд отраслей современной промышленности для обеспечения рентабельности требуют масштабов производства, превышающих потребности любого национального рынка. Но это верно только для некоторых отраслей: авиации, авиастроения, некоторых видов электроники. Тогда как для других отраслей промышленности даже российский объём рынка в 150 миллионов человек вполне достаточно — например, для пищевой, лёгкой, деревообрабатывающей, мебельной промышленности, индустрии строительных материалов, специального машиностроения и т.д.

Мы — большая страна, а значит, у нас может быть своя развитая промышленность. Нужно только менять приоритеты, стремлясь к организации диверсифицированного промышленного комплекса (максимально полного воспроизводственного контура) внутри страны.

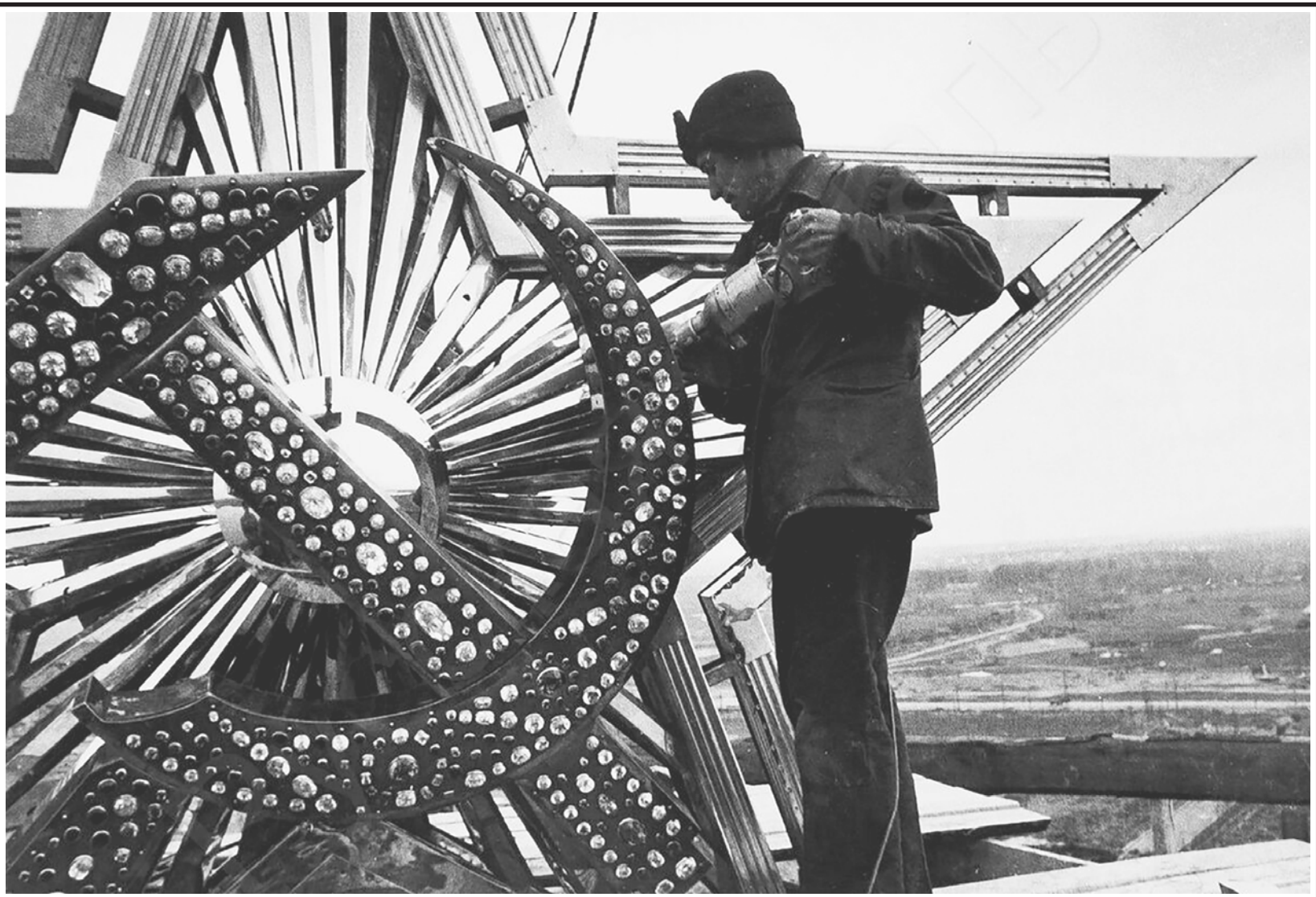
Естественно, что в силу определённых причин наша экономика не может быть даже в идеале абсолютно замкнутой системой — хотя бы в силу географического положения и особенностей климата, который не позволяет выращивать тропические фрукты или хлопок. Для восполнения неизбежной неполноты воспроизводственного контура, а также для обеспечения гарантий устойчивости отечественных предприятий необходимо вместе с соседями строить свой защитный общий рынок. В этом отношении инициатива создания Евразийского экономического союза — безусловно целесообразна, хотя рамки этого интеграционного образования следует существенно раздвигать. Приоритетным направлением расширения такого объединения, как с точки зрения объёма потенциального общего рынка, так и с точки охвата климатических зон, представляется Южная и Юго-Западная Азия (Иран, Индия, Сирия, Турция и др.).

ЕСТЬ ФУНДАМЕНТ И НЕСУЩИЕ КОНСТРУКЦИИ

Для реиндустриализации имеет значение достигнутый до этого уровень развития страны. В России осталась производственная инфраструктура — не всё разрушено, — но она нуждается в модернизации. Образовательная инфраструктура также существует: в России сохранены свои образовательные и научные школы; в этой сфере тоже не всё утрачено, а что-то и приобретено: по ряду направлений, например, в сфере ИТ, в России есть уникальные разработки. Для современных промышленных программ необходима связь с наукой. Сложнее всего для государства создать свою фундаментальную науку, а она у нас есть. Наука — всё ещё наша сила.

Нам не нужно придумывать с нуля, как осуществлять реиндустриализацию в условиях рыночной экономики. Есть смысл воспользоваться опытом стран, которые действовали в условиях частной собственности на средства производства, но при этом совершили экономический и промышленный рывок при поддержке государства. Это Япония, Южная Корея, Тайвань, Китай. Нужно воспользоваться опытом стран, которые стремятся обеспечивать свои рынки собственными товарами.

В России достаточно специалистов, способных разработать эффективную программу реиндустриализации. Уже многие годы эти люди на самых разных площадках, включая Московский экономический форум, Торгово-промышленную палату РФ, институты РАН, экспертные центры и институты, отраслевые площадки, пытаются донести до руководства страны идеи альтернативной экономической политики, однако их не слышат. Но если выбор в пользу новой экономической политики, основанной на развитии отечественного производства, будет сделан, в стране достаточно учёных, экспертов, опытных производственников, которые способны как теоретически разработать, так и на практике осуществить такую программу.

Можно сделать однозначный вывод: у России есть все ресурсы для ускоренного экономического роста и реиндустриализации. Выйти на путь опережающего развития, добиться технологического рывка — это задача совершенно реальная (хотя и трудная, и на её решение потребуются годы упорных усилий). У нас нет ограничений со стороны сырьевого и научно-технического потенциала, со стороны производственных фондов и трудовых ресурсов. В России есть всё необходимое для ежегодного роста темпами не в 1–2%, что предлагали сегодня экономические ведомства, заведомо предвещающие для страны лишь упадок и стагнацию, а по 6–8% в год и даже выше на протяжении достаточно долгого периода.

Вопрос — в экономической политике, не меняя которую, добиться ускоренного роста невозможно. Фактически в России отсутствуют лишь политические условия для реализации такой задачи — сегодняшними экономическими властями она просто не ставится. Налицо отказ от планирования стратегического рывка. И это главное, что необходимо изменить.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ

Наличие развитой промышленности — это вопрос стратегической безопасности России и социально-экономической стабильности нашей страны.

Именно поэтому индустриальное развитие не может быть отдано на откуп стихии рыночных сил, тем более что для отечественных предприятий несерьёзного сектора самой экономической моделью созданы сегодня крайне неблагоприятные условия работы в России. Нужно стратегическое планирование экономического развития, где промышленное развитие будет увязано с кредитно-денежной политикой, реформами налоговой системы и т.п. Это должен быть комплекс мер: никакие отдельные точечные меры не сработают. Не вводя систему поддержки отечественных производителей и не приняв программу стратегического развития экономики, охватывающую все её компоненты, отдельные мероприятия прорыва не добьёмся.

Ряд либеральных экономистов считает, что в России надо делать акцент не на собственное производство, а на продуцирование инноваций. Но тогда российские учёные и талантливые специалисты становятся лишь обслуживающим звеном иностранных корпораций и чужих экономик. Только собственное комплексно развитое производство создаёт устойчивый и масштабный спрос на науку, инновации, образование.

Мы хотим видеть Россию экономически развитой. Но какую страну следует считать "экономически развитой"? С какой структурой экономики?

Неужели это страна с развитым третичным сектором, живущая преимущественно за счёт интеллектуальной ренты, но не создающая в полном объёме для собственных нужд элементарных благ: продовольствия, одежды, бытовых товаров и т.п.? Для России больше подходит вариант создания собственной полноценной экономики, а не узкоспециализированной "однодогой" или "однодогой" модели.

За счёт высокой обеспеченности ресурсами Россия может позволить себе выбирать любой путь развития, включая создание полноценной диверсифицированной наукоемкой экономики с собственным промышленным ядром. Для этого необходимо сконцентрироваться на внутреннем, а не внешнем спросе, преодолеть чрезмерную зависимость от экспорта и импорта.

Важной целью стратегического развития России должна стать переориентация с продажи природных ресурсов за рубеж на их максимальное использование внутри страны. При развитой обрабатывающей и перерабатывающей промышленности мы могли бы не продавать природные ресурсы за рубеж в таких масштабах, а максимально использовать их сами, экспортируя лишь излишки. Именно свои предприятия должны "переваривать" большую часть российского сырья, превращая его в продукты с высокой добавленной стоимостью.

Мы должны быть реалистами: никакой свободный рынок сам условия для экономических прорывов не создаст. Только государство способно задать такие рамочные условия и установить такие приоритеты, которые способствуют достижению стратегических целей.

В период форсированной модернизации бизнес встраивается в стратегию развития, а не наоборот. В противном случае в Южной Корее просто никогда бы и не было автомобильной промышленности, всего огромного машиностроительного комплекса, химического, фармацевтического кластеров и т.д. Япония вряд ли выбилась бы в лидеры в электронике, авиастроении, химии, фармацевтике, банковском секторе. Успех китайской экономической реформы связан, прежде всего, не с раскрепощением частной предпринимательской инициативы и расцветом малых предприятий — всё это не привело бы к масштабным изменениям отраслевой структуры, — а с форсированной комплексной модернизацией производственной базы и реализацией инфраструктурных мегапроектов.

Существует мнение, что государства в российской экономике сегодня "слишком много", и оно всё контролирует, тогда как для развития надо, наоборот, максимально устранить госрегулирование. Но вопрос не в том, "сколько" государства, а в том, как оно распоряжается своими возможностями по регулированию экономики.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА И ПРОТЕКЦИОНИЗМ

Необходим анализ состояния каждой конкретной отрасли на текущем этапе и условий её конкуренции с зарубежными производителями (в том числе и тех условий, которые те имеют в своих

странах, например, получение ими экспортных и иных субсидий, льготное налогообложение, природно-климатические условия и т.д.). Для каждой необходимо разработать план требуемой поддержки. К сожалению, некоторых имевшихся в СССР отраслей сегодня уже не существует.

Поэтому, помимо поддержки существующих отраслей, реиндустриализация должна включать в себя:

- восстановление производств, разрушенных в 90-е годы, на современном технологическом уровне;
- организацию в рамках импортозамещения новых предприятий, необходимых для достройки производственных цепочек и создания замкнутых отечественных полных производственных циклов во всех ключевых отраслях;
- создание принципиально новых, пионерных отраслей и производств с целью достижения лидерских позиций по различным направлениям шестого технологического уклада.

Для достижения целей реиндустриализации необходим выверенный набор регуляторных воздействий с использованием всех доступных рычагов экономической политики. Одним из важнейших среди таких рычагов является протекционизм.

Вполне закономерно, что полная открытость и незащищённость российского рынка в ситуации, когда у зарубежных конкурентов гораздо более высокий уровень господдержки, более выгодные финансовые и инфраструктурные условия, уже привели нас к тому, что многие отечественные отрасли промышленности практически ликвидированы.

Необходимость протекционистской политики обусловлена неравными условиями, в которые поставлены многие отрасли российской промышленности в сравнении с иностранными конкурентами. В том числе неравными являются и условия нашего членства в ВТО. Так, в России полностью обнулены пошлины на ввоз кожаной обуви, в то время как, например, в Японии они составляют 25%. Условия, на которых Россия вступила в ВТО, напрямую запрещают целый ряд возможных мер поддержки отечественных производителей, и уровень этой поддержки порой в десятки, а то и сотни раз меньше, чем у мировых лидеров.

Несопоставимы условия кредитования российского бизнеса и условия для бизнеса высокоразвитых стран. Далека от оптимальной налоговая нагрузка. Следует иметь в виду принципиальную невозможность полного выравнивания издержек производства в сравнении со многими конкурентами, в частности, в России с её особенностями климата и размером территории при всех прочих условиях сохраняются высокие расходы на отопление и на транспортировку. Контроль продуктивности попытка конструировать в уровнях оплаты труда с бедными и, тем более, беднейшими странами. Зарплатная "гонка на дно" ведёт к падению благосостояния общества, к сокращению совокупного массового спроса и, как следствие, оказывает угнетающее воздействие на экономическую активность.

Поэтому сегодня внешнеэкономическая политика должна быть направлена на то, чтобы защитить производство несерьёзного сектора и обеспечить равные условия конкуренции с зарубежными производителями.

К этому следует добавить, что политика протекционизма может и должна предусматривать механизмы возвращения обществу полученных государством дополнительных средств (таможенных пошлин и сборов) через дотлаты, пособия и дотации — для увеличения покупательной способности населения и компенсации повышающихся в результате протекционистских мер цен на товары.

ЧЛЕНСТВО В ВТО ПРОТИВОРЕЧИТ НАЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕРЕСАМ

Усилиями массивированной глобальной неолиберальной пропаганды в мире сформировано сугубо негативное отношение к протекционизму. Само это слово стало своего рода запретным или даже ругательным.

Россия, следовавшая в своей экономической политике в фарватере неолиберальных идей, придерживавшая той же позиции: весь период с начала экономических "реформ" идея протекционизма была табуирована в нашей стране. Сменявшие друг друга правительства неизменно проводили противоположную протекционизму стратегическую линию, апофеозом которой стало вступление во Всемирную торговую организацию.

Присоединение к ВТО принесло России несравненно больше проблем, чем каких-либо новых возможностей, большинство из которых абсолютно иллюзорны. Решение о вступлении не имело под собой никаких рациональных оснований. Открыв свой рынок, наша страна не получила никаких преимуществ, одновременно лишившись возможности полноценной поддержки собственного производства.

Судя по товарным группам, выделенным по номенклатуре ВТО, среди крупных стран мира у России самая низкая доля промышленных товаров в экспорте (20%) и самая высокая доля топливно-минеральных продуктов (70%). У других указанные соотношения обратные: у Китая доля промтоваров — 94%, доля топливно-минеральных продуктов — 3%, у Японии — 88% и 4%, у Германии — 86% и 5%, у США — 74% и 10%, у Индии — 64% и 25%. Ближе всех к нам по структуре экспорта находится Бразилия (35% и 28%), но даже у неё доля промтоваров превышает минерально-сырьевую. Зато у нашей соседки Украина структура товарного экспорта ближе к американской, чем к российской: 64% — промтовары и только 15% — топливо и минеральное сырьё.

На что было потрачено время — те почти 19 лет, которые занял переговорный процесс о присоединении к ВТО, — непонятно. Как торговали, так и торгуем сырьём, которое у нас и так с ра-

достью купят без дискриминационных пошлин. Более того, структура нашего экспорта за годы ведения переговоров о вступлении в ВТО резко деградировала. По данным Росстата, за период с 1995 по 2010 год доля минерального сырья в российском экспорте увеличилась с 42,5% до почти 70%, а доля машин, оборудования и транспорта — снизилась с 10,2% до 5,7%. Очевидно, что сначала надо было добиться качественной перестройки национальной экономики и структуры внешнеторгового оборота, а потом уже стремиться в ВТО, чтобы получить доступ к зарубежным рынкам готовой продукции. Так, в частности, действовал Китай.

Среди сторонников вступления в ВТО также бытовал миф о том, что после вступления в эту организацию на Россию польётся дождь из прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Но иностранный инвестор — не глупец. Он не станет рисковать и вкладывать без существенных гарантий возврата и окупаемости инвестиции.

Каковы главные мотивы прихода в страну ПИИ? Их существует всего три. Первый: использовать страну — реципиента капитала в качестве производственной базы для дальнейшего экспорта готовой продукции в третьи страны. Второй: перевести в страну — реципиента капитала производство отдельных деталей или узлов или использовать её для аутсорсинга определённых операций или модулей при сохранении приемлемого уровня качества. Оба мотива бывают актуальными в том случае, когда в наличии сравнительная дешевизна и избыток определённого вида ресурсов: рабочей силы, экологического ресурса и пр. Именно это условие было определяющим для притока ПИИ в Китай, Индию, страны Юго-Восточной Азии.

В случае с Россией это обязательное условие для обоих мотивов, которые могли бы возникнуть у иностранного инвестора, представлено слабо. Разрыв в оплате труда с развитыми странами не представляется существенным. Остаются лишь надежды на то, что инвестиции могут быть связаны с переносом в Россию грязных производств из-за различий в уровне строгости экологических стандартов. Однако с учётом активизации деятельности в России в последние годы различных неправительственных организаций, в том числе экологической направленности, риски, связанные с такими инвестиционными проектами, резко возрастают.

Третьим мотивом для притока иностранных инвестиций является привлекательность внутреннего рынка. Факторами импортозамещения, то есть более высокой привлекательности переноса в Россию производства товаров для их внутреннего потребления по сравнению с ввозом готовой продукции из-за рубежа, выступают экономика на транспортных издержках и иных видах логистики, а также защищённость внутреннего рынка торговыми барьерами. Экономика на логистических издержках выглядит весьма сомнительной, к тому же она может быть перекрыта дополнительными издержками, связанными с повышенными криминальными рисками, коррупцией, снижением качества и пр. На этом фоне единственным существенным фактором (мотивом) выглядела именно защищённость российского внутреннего рынка.

Поэтому вступление в ВТО, так же как и отсутствие государственного протекционизма, не привело и не могло привести к увеличению ПИИ в российскую экономику. Напротив, сразу же после присоединения нашей страны к ВТО многие потенциальные инвесторы отказались от производственных проектов в России, встревоженные последствиями этого шага. А именно — снижением гарантий окупаемости вложений в российскую экономику.

Фактически ВТО работает для закрепления преимуществ стран, уже занимающих ведущие позиции на мировом рынке промышленной и сельскохозяйственной продукции, и только усугубляет зависимость периферийных экономик от глобальных корпораций и финансовых институтов.

При этом сами развитые страны произвольно решают, выполнять ли им какие-либо указания и рекомендации наднациональных экономических структур. Так, США соблюдают любые нормы лишь тогда, когда им это выгодно. А во многих американских стратегических документах ВТО объявлена потенциально опасной для интересов США.

ВТО воплощает собой неолиберальное экономическое мышление.

В практическом смысле у России есть несколько вариантов минимизации своего ущерба от членства в ВТО. Можно просто выйти из организации. Альтернативные варианты: требовать вместе с другими странами реформы ВТО и выравнивать условия членства в ней или просто обходить её правила по примеру многих участвующих в объединении стран. В любом случае, РФ должна активно защищаться, чтобы избежать дальнейших потерь.

Способ известен давно — это протекционизм. Но содержание протекционизма далеко выходит за рамки собственно торговой политики и защиты отечественных производителей. Протекционизм в широком смысле, по сути, есть политика государственного покровительства по отношению к национальной экономике.

Истинная цель протекционизма — организация в стране условий для комплексного расширенного экономического воспроизводства, включая расширение воспроизводства капитала, рабочей силы и диверсифицированной структуры хозяйства. А в конечном итоге — обретение подлинного суверенитета за счёт максимально возможного снижения зависимости от внешней конъюнктуры, от зарубежных поставщиков и иностранных технологий, создания иммунитета от враждебного геополитического давления и экономического шантажа.

На фото: монтаж звезды на шпилье Речного вокзала, 1937 год